

С. М. СМАГИНА

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС И ПУТИ ЕГО РЕШЕНИЯ В ЛИБЕРАЛЬНЫХ ПРОЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ (1920-е – 1930-е гг.)

В статье исследуется малоизученный аспект истории либеральной российской эмиграции 1920–1930-х гг., в частности, представления ее различных кругов о решении национального вопроса в России. В социальном прогнозировании это выразилось в признании, кстати, впервые вошедшем в теоретический багаж русских либералов, возможности превращения постбольшевистской России в федеративное государство и необходимости снижения порога противостояния не только в постсоветском пространстве, но и в самой эмиграции.

Ключевые слова: либеральная эмиграция, национальный вопрос, федеративная республика, новотактики

Современным историкам удалось значительно углубить процесс конструирования объяснительных моделей прошлого, а также шире взглянуть на некоторые факты и события, рассматривая интеллектуальную, особенно партийно-политическую состязательность оценок их участников как важную предпосылку корректировки доктрин и идеологий, поведенческой ориентации в предполагаемой социально-политической практике. Последнее наглядно демонстрирует опыт российской политической эмиграции 20–30-х годов XX столетия.

Русское политическое зарубежье в лице своих идеологов пыталось свыкнуться с произошедшей катастрофой, выработать положительную программу действий и сформировать формулу социального прогресса для будущей России, опосредованную той или иной интерпретацией накопленного исторического опыта. Признав крушение, в известной степени, привычного варианта «целого политико-общественного мирозерцания»¹ – либерализма, многие его представители усилили адресность своих платформ и откорректировали их содержание.

Актуализирует рассматриваемую проблему и то обстоятельство, что именно определенной частью российских либералов уже в 1920-е годы была обозначена угроза, становившаяся реальностью в мировой практике решения национальных и социальных вопросов, когда «масса», в случае непротивления могла перейти «от безвольного принятия одного факта» – тогда большевистского строя – к такому же принятию какого-либо противоположного факта, «вроде фашистской диктатуры, которую теперь так настойчиво советуют»². Об этом лидер левого кры-

¹ Протоколы заграничных групп... Т. 6. Кн. 2. С. 133.

² Миллюков 1929. С. 4.

ла либеральной эмиграции П.Н. Милюков писал в 1929 г., но, в известном смысле, это звучит актуально и сегодня, если проследить историю некоторых так называемых «цветных» революций.

По ряду причин в центре российской политической эмиграции оказались именно либералы, прежде всего, в лице конституционных демократов и близких к ним кругов. И это не случайно, ибо, во-первых, либералы были носителями идеологии, которая исторически возникла как учение, осмысливавшее в первую очередь конфликтные ситуации, а также раскрывавшее опасность реализации примитивного участия масс в социальных конфликтах³. Во-вторых, российские либералы имели, хотя и небольшой, но все-таки опыт пребывания в статусе “правительственной” партии в короткий отрезок времени между Февралем и Октябрем, стремясь воплотить в жизнь идеи “либерального демократического строя” и попытавшись заручиться поддержкой умеренных социалистов в рамках трех коалиционных правительств, делая первые шаги политического блокирования.

В-третьих, не последнюю роль играло и то обстоятельство, что именно кадеты были той партией в составе российской образованной элиты, в которой пребывали личности, имевшие большой политический авторитет и в значительной степени сохранившие его даже после всех “южных опытов” периода гражданской войны. Эмиграция дифференцировалась зачастую не по платформам, программам и декларациям, а «по людям», которых привыкли «глубоко ценить». И, наконец, либерализм большинством его носителей продолжал восприниматься как своего рода индикатор состояния общества с его стремлением, с одной стороны, к изменениям в лучшую сторону, с другой – неприятием крайних методов исторического действия. Отсюда происходило изменение форм либеральной идеологии и даже некоторых ее содержательных параметров и одновременно постоянное возрождение ее сущностных элементов. Последнее обстоятельство в эмиграции наглядно демонстрировали российские либералы, расслаиваясь по ценностным предпочтениям в трактовке концептуальных идей.

Как известно, часть российской либеральной эмиграции объединилась вокруг П.Н. Милюкова, сформулировавшего в декабре 1920 г. в Записке «Что делать после Крамской катастрофы?» идею пересмотра старых «интеллигентских лозунгов и доктрин»⁴, изложившего содержание так называемой «новой тактики». Она предполагала поворот кадетской партии по отношению к предыдущему периоду военной борьбы, а также «возвращение» к ее мировоззренческим и идеологическим истокам на уровне признания «завоеваний Февральской революции» с

³ Модели общественного переустройства России... 2004. С. 20.

⁴ Протоколы Заграничных групп... Т.4. С. 76-85.

одновременным обогащением «новой» теоретической сущности кадетизма на основе приобретенного опыта⁵. В социальном прогнозировании это выразилось прежде всего в признании, кстати, вошедшем впервые в теоретический багаж российского либерализма, возможности превращения постбольшевистской России в демократическую федеративную республику. Подчеркивалась мысль о допущении в недавнем прошлом четырех роковых ошибок, выявленных еще в мае 1920 г., одна из которых состояла в нежелании «пойти навстречу законным требованиям автономии и свободы национального самосознания»⁶. Теперь же в «Записке» доказывалось, что новая Россия должна быть государством, построенным на федеративных началах «с полным обеспечением прав на культурно-национальное самоопределение народностей».

Заключил «Записку» Милоков выражением надежды на то, что удастся добиться соглашения «разных оттенков партийной мысли» в этот важный момент. Однако на специально собранном совещании членов Центрального комитета кадетской партии, которое проходило с 26 мая по 2 июня 1921 года в Париже и рассматривало новую тактику П.Н. Милокова, большинство присутствовавших [9 против семи] не поддержали «новую тактику», констатируя, что «правильная тактика» могла быть установлена лишь тогда, когда между партией и Россией в предстоящей борьбе за демократическую государственность и за восстановление на родине основ свободы и права будет установлена «живая связь»⁷. «Разногласия по существу» констатировались позднее Парижской кадетской группой на заседаниях, проходивших с 7 по 21 июля 1921 года. Завершились они уходом Милокова и его сторонников [22 человека из общего числа 89-ти ее членов], отныне образовавших Парижскую группу новой тактики [в августе переименованную в Парижскую демократическую группу] партии народной свободы. Анализируя все произошедшее, П.Н. Милоков в своих многочисленных статьях, помещенных в эти дни в газете "Последние новости", настаивал на том, что раскол был результатом не тактических, а программных расхождений, и приветствовал выявление «каждой партийной группировкой своего политического лица».

Позиция же П.Н. Милокова по вопросу о будущем государственном устройстве России и решении вопроса о сосуществовании в ее границах разных наций и народностей продолжала углубляться. К этому его подталкивал ряд обстоятельств: изменения, происходившие в России, усиление угрозы фашизма в Европе и одновременно достаточно пассивное настроение значительной части русской эмиграции, оста-

⁵ Там же. С. 42.

⁶ Там же. С. 12-13.

⁷ Там же. С. 467.

вавшейся на позиции «непредрешенства». В статье «Три платформы Республиканско-Демократического объединения (1922–1924 гг.)», изданной в Париже в 1925 г.⁸, Милюков настаивал на том, что Россия утратила после 1917 года часть своих территорий не только потому, что Ленин объявил право наций на «полную самостоятельность», а в связи и с той «ассирийской» политикой русского правительства, «политикой управления всем из центра», которая закрыла нормальный исход для развивавшегося самосознания национальностей.

Отказав большевикам в продуктивности созданного ими национального объединения («нынешний СССР – федерация по недоразумению»⁹), Милюков предположил, что формы децентрализации в будущем могут быть самыми разными, не исключив и заключение договоров «на конфедеративных началах». Иначе, пророчески предвидел Милюков, народности придется «не просто удерживать, а... вновь завоевывать при неодобрении всего мира...» Поэтому, с еще большей категоричностью подытожил он свои рассуждения в 1929 г., «единственный действительный способ» восстановления России – это способ мирного и добровольного соглашения с другими народностями, «как равных с равными», на началах федеративного объединения, и одновременно полное обеспечение свободы национальной жизни в тех регионах, где национальности занимали «сплошные территории».

В качестве главного условия такого решения вопроса он назвал, прежде всего, отказ от признания в государстве «одной народности и одной [разрядка в тексте – С.С.] веры, господствующей над всеми остальными»¹⁰. В этом тезисе выразилась суть его понимания этноконфессиональной политики в таком многонациональном государстве, как Россия, в свое время совершенно «недоступной» самодержавию, в чем и состояла «глубокая разнища» в подходах к национальному вопросу «тогда и теперь». Правомерным представляется и его тезис о том, что такое насилие над другими народностями, осуществляемое самодержавием, было исторически чуждо русскому народному духу. По его словам, не путем насилия русский язык был положен в основу общерусского литературного языка, не путем насилия русская литература на этом языке приобрела всемирную славу. Наконец, подчеркнул Милюков, не путем насилия русский мужик-переселенец осваивал новые земли и «прошел Россию до Черного моря и Сибирь до Тихого океана»: он мирно селился среди других народностей, зачастую сливаясь с ними и принимая их обличие. Именно самодержавное государство своими «крутыми попытками» ускорить этот вековой естественный процесс

⁸ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 5. Д.110^б. Лл. 1-32.

⁹ Там же. Л. 21.

¹⁰ Милюков 1929. С. 19.

путем насильственной ассимиляции вызвало и «ускоренный рост *нерусского* [разрядка в тексте – С.С.] национального сознания». Только федерализм, по словам Милюкова, «уничтожит сепаратизм и впервые откроет путь к созданию единой государственной «нации», принадлежностью к которой будут дорожить, ибо она одинаково создаст «покров над гражданами всех национальностей и религий, возвысит экономическую производительность и усилит общенародную мощь»¹¹.

Таким образом, вывод Милюкова звучал однозначно: русская монархия была «национальна» не в том смысле, что она смогла создать из всех народностей единую российскую «нацию», а в том, что она хотела поставить над этими «гражданами второго разряда» одну «национальность», великорусскую. Отсюда: старая монархия не только не могла, согласно Милюкову, восстановить русское единство, но она несла и большую долю ответственности за распад этого единства. Только преобразование России в федеративное демократическое государство способно со временем решить эту проблему. Выразил Милюков и определенную надежду на то, что «народ *сам* [разрядка в тексте – С.С.] решит свою политическую судьбу», назвав это не голой фразой, а признанием «факта, созданного двенадцатью годами непосредственного участия масс в народной революции»¹².

Характерно, что со временем позицию П.Н. Милюкова по данному вопросу, помимо его ярых приверженцев в Республиканско-Демократическом объединении [1924], состоявшем в большинстве своем из левых кадетов, поддерживала еще одна группа в партии – т.н. «центристы», идентифицировавшие себя в качестве промежуточного слоя между ее двумя крыльями: старотактиками – правыми и милюковцами.

Официально группа кадетского центра была образована 15 декабря 1924 г. в Праге с филиалом в Париже, в которую вошел ряд лиц: Н.И. Астров, кн. В.А. Оболенский, П.П. Юренев, кн. Петр Д. Долгоруков, А.В. Макленцов, А.С. Изгоев, С.В. Панина, профессор Н.С. Тимашев и др. На протяжении первых трех месяцев 1925 г. «центристы» провели несколько заседаний, занимаясь обсуждением «материалов для платформы». Причем характерно, что поступившие замечания затрагивали в основном отдел о праве собственности и вопрос о предreshении «федеративной республики». При обсуждении последнего вопроса, например, А.А. Кизеветтер и А.С. Изгоев согласились на сохранение в тексте понятия «республики» в форме полного подчинения высшей цели – восстановлению России и в виде «противоположения Монархии, *если* [выделено нами – С.С.] с таковой неизбежно свяжутся реставрационные тенденции». При выяснении вопроса о построении «временной

¹¹ Милюков 1929. С. 19-20.

¹² Там же. С. 29.

власти» в переходный период, поставив его решение в зависимость от условий «падения» коммунистической диктатуры, наряду с Временным правительством или иным «верховным» органом власти, была названа центристами и такая ее форма, как «Правитель»¹³. Большинство членов группы высказалось против введения в редакцию «пацифистской» формулы, ибо не исключалась ситуация, когда борьба могла стать «неизбежной». И все-таки при этом подчеркивалось, что главной формой решения всех вопросов в постбольшевистской России должны стать соглашения, договоры и федеративные связи. В целом группа «центристов» признала идею «республиканской формы «правления»» и необходимости установления разных степеней самостоятельности и независимости частей России, соединяемых «автономными или федеративными связями в единое целое». В частности, активную позицию в разработке платформы «центристов» занял профессор Н.С. Тимашев, автор ее экономического раздела, назвавший главным принципом экономической целесообразности преемственность прав прежних собственников, хотя одновременно признавший неотторжимость земли «оккупированной» крестьянами. Соглашался он и с принципом федеративного устройства будущей России, подчеркнув, что в «союзном целом» все составляющие ее части, объединенные «не по принуждению», смогут реализовать свои собственные интересы¹⁴.

Позицию Н.С. Тимашева поддержал Петр Долгоруков, предложивший руководствоваться принципом «собственности и права», и другие «центристы». Они отдавали себе отчет, что России придется пройти ряд «чрезвычайно грубых и жестоких этапов», но при этом были готовы сохранить и пронести «начала культуры и либерализма», которые были постоянным достоинством русского общества¹⁵.

Менее однозначными в оценках всего происшедшего в России, в т.ч. – в жизни разных наций и народностей, а также и перспектив их дальнейшего сосуществования, представляются взгляды правой части либералов, не поддерживавших «новую тактику» П.Н. Милюкова, но, тем не менее, попытавшихся после катастрофы Белого движения объединить эмиграцию на национальной и надпартийной основе, как высшей степени подлинной демократии.

Любопытно, что именно «второе поколение» либералов [если не по возрасту, то по положению в кадетской партии] стало одной из движущих сил политической жизни российской эмиграции. За исключением ставшего бессменным председателем Русского Национального Комитета, избранного на Зарубежном съезде национального объеди-

¹³ Протоколы Заграничных групп... Т. 6. С. 365.

¹⁴ Тимашев 1923. С. 58.

¹⁵ Протоколы Заграничных групп... Т. 6. С. 350.

нения в 1921 г. в Париже, Антона Владимировича Карташева, либералы-участники этого комитета были «молодыми». Именно такие деятели, как Михаил Михайлович Федоров, Юлий Федорович Семенов и др., провели огромную работу по организации съездов эмигрантов и определили либеральный характер большей части их решений и программ, несмотря на чрезвычайно сильное давление со стороны монархических сил. Одним из главных обсуждаемых вопросов был национальный вопрос, рассматриваемый в двояком плане: с точки зрения определения национальной идентичности будущей России и выявления возможных форм проживания в ней разных наций и народностей, в первую очередь, находившихся на национальных окраинах.

Поэтому данный вопрос в интерпретации этой части либералов получил редакцию «окраинный вопрос» и стал одним из знаковых в эмигрантских политических баталиях. Характерно, что именно в сделанном А.В. Карташевым докладе на Зарубежном съезде Национального объединения (1921) о его задачах, характере и программах был поставлен вопрос о национальной идентичности будущей России, т.е. о России как «национальном государстве», созданном «на принципах: национальность и собственность»¹⁶. Эти либералы в чем-то предвосхищали современных теоретиков по национальному вопросу¹⁷, демонстрируя этнополитический подход к его решению в традициях французской государственно-национальной школы, берущей начало от Руссо. Как и представители этой школы, русские либералы исходили из политического понятия нации, предложив ее рассматривать в связи с революцией как сообщество всех граждан страны, объединенных единством политической воли и равных перед законом, независимо от социального положения, происхождения, языка или религии. Отсюда их программная установка на возрождение в постбольшевистской России суверенности общенародной воли и «демократического начала народо-властия»¹⁸. В то же время, осознавая «идеальность» обозначенного подхода применительно к российской исторической действительности, они ориентировались одновременно на его синтезирование с этнокультурным определением национальной идентичности, проистекавшим из постулатов германской культурно-национальной школы и предлагавшим учитывать культурные особенности национальной общности, исторические традиции ее развития и их преемственность. И неслучайно Карташев себя и своих сторонников назвал «национал-либералами», в отличие от «радикал-демократов» в лице милликовцев.

¹⁶ Карташев 1921. С. 12.

¹⁷ Альгерматт 2000.

¹⁸ Карташев 1921. С. 29-30.

На Зарубежном съезде Русского Национального объединения 9 июня 1921 г. был заслушан специальный доклад Ю.Ф. Семенова «Окраинный вопрос», который обсуждался еще до съезда на бюро Русского Национального Комитета и получил одобрение его участников. Главная идея доклада – переосмысление национальной проблематики с принятием произошедших за годы революции изменений в качестве необратимых. Как заметил автор доклада, революционный период не только в России, но и в центральной Европе «со всеми его многообразными последствиями» создал в национальном вопросе ряд новых фактов и подверг суровому испытанию ряд принципов, раньше считавшихся незыблемыми: именно войной и революцией «был резко» выдвинут принцип национального самоопределения, поскольку совокупность новых государственных, культурных, общественных и бытовых процессов коренным образом изменили народное сознание и ситуацию на окраинах; таким образом, возврата к старому не могло быть. Всероссийское Учредительное собрание в период своего «мимолетного» существования приняло резолюцию о том, что государственный строй России отныне являлся федеративной республикой. Однако, по мнению докладчика, это была лишь «декларация принципа», поскольку в постановлении не содержалось никаких указаний на границы «федерирующихся частей», ни всего того, что должно составить «тело закона». Продолжавшаяся война и революция усугубили ситуацию, способствуя образованию «окраинных» государств, отделившихся от России (северо-запад). Но при этом, как попыток Ю.Ф. Семенов, не произошло распада России, ее государственного «ядра», подобного тому, что было с Австро-Венгрией (империей Габсбургов), хотя правительства европейских государств уже тогда вынашивали план расчленения коренной России на Великороссию (на севере) и Украину (на юге)¹⁹.

Особый интерес представляет попытка, необычная для русского либерала, представить анализ ситуации на национальных окраинах путем обращения к социальной проблематике. Отношение местного крестьянства к тем или иным возникшим национальным правительствам Семенов считал не менее важным фактором успеха национального движения, чем международное влияние (вмешательство) тех или иных государств. Как подчеркнул Ю.Ф. Семенов, именно крестьянство Украины, несмотря «на все австро-германские старания» выступить в роли ее защитника от большевистского засилья, не поддержало ни одно самостоятельное государственное образование; ни при Грушевском, ни при Скоропадском, ни при Петлюре эфемерные правительства не смогли фактически распространить свою власть дальше Киева, хотя германский оккупационный корпус занимал всю Украину, Донецкий

¹⁹ Семенов 1921.

бассейн и Крым. Своего рода предостережением современным политикам прозвучали слова Ю.Ф. Семенова о том, что хотя на тот момент говорить о государственном новообразовании на Украине не приходилось, ибо пока там не проявилось «...результатов народного творчества, новых привычек и традиций», но отрицать такой возможности «в будущем, быть может, отдаленном, быть может, ближайшем»²⁰, при соответствующих внутренних и внешних обстоятельствах он не стал.

Углубленный характер анализа национальных движений в России со стороны Ю.Ф. Семенова (даже в сравнении с П.Н. Милуковым и его «новой тактикой») проявился также в попытке дифференцировать национальные окраины путем выделения двух их групп: северо-западной (эмигрантское обозначение государств Прибалтики) и южной (четыре образовавшиеся на Кавказе республики). Что касалось северо-западных «окраин» (прибалтийских стран), то, согласно докладчику, краткий опыт собственной государственности в сочетании с представительной формой правления позволил им отстоять себя от национально-обезличивания и разорения, грозившего «с коммунистического востока». Однако, как полагал автор, данные государства должны считаться с тем, что «вместе взятые», они отделили Россию от Балтийского моря, как и с наличием общих экономических интересов с нею. Поэтому метод соглашений между Россией и правительствами данных государств он назвал «принципиально наиболее правильным... и наиболее практичным».

Рассматривая вопрос о четырех образовавшихся кавказских республиках, докладчик правомерно констатировал наличие в них разной степени развития государственных форм, как и различной заинтересованности с их стороны в связях с Россией. Выделив особо горскую республику с ее «самым элементарным государственным скелетом», а также с ее моральным тяготением к другим «исламским» народам и одновременно экономическими связями с «севером», он предположил возможность *территориально-областного* самоопределения на основе, в первую очередь, «общности религии», а также «удовлетворительно» опыта мирного сожительства с Россией²¹.

В отношении же трех закавказских республик, особенно Грузии, Семенов был категоричен в оценках их положения при большевиках, как «наносного, поверхностного и чуждого народу». Он полагал, что будущее России, вся энергия народных масс будет направлена на создание новых государственных форм, в т.ч., и на национальных территориях. Он не пытался досконально определить, в какой последовательности это творчество будет осуществляться и какие формы примет.

²⁰ Там же.

²¹ Семенов 1921.

Однако, подводя итоги всему изложенному, он четко сформулировал несколько выводов, актуальных и сегодня: *во-первых*, Россия, в отличие от других империй, в процессе войны и революции не распалась на отдельные части, в целом оставшись единой, что свидетельствовало, при прочих других условиях, об определенном уровне национального самосознания; *во-вторых*, происшедшие в ней изменения необходимо принимать в терминах федеративного устройства и национально-областного самоуправления; *в-третьих*, принципиально наиболее правильным и практически единственным осуществимым методом разрешения «окраинного вопроса» являлся метод соглашения, в основе которого должны быть экономические интересы «коренной» России и окраин, а также некоторые общие начала гражданского правопорядка.

Российские либералы, несмотря на некоторые расхождения в их эмигрантской среде в определении содержания этноконфессиональной политики и решении национального вопроса в России попытались спрогнозировать снижение порога противостояния как в постсоветском российском обществе, так и в самой эмиграции. Представляется, что многообразный политический и интеллектуальный опыт российской либеральной эмиграции 1920-х гг. может быть востребован и на современном этапе, когда перед обществом и властью стоит важная задача не только разработки модели национальной политики на перспективу, но и определенного напряжения в идеологотворчестве с целью усиления духовного и этнического начал в реализации модернизационных проектов.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Мильков П.Н. Республика или монархия? Издание республиканско-демократического объединения. 1929.
- Мильков П.Н. Три платформы Республиканско-демократического объединения (1922–1924 гг.). ГА РФ. Ф. 579. Оп. 5. Д. 110б. Лл. 1-32.
- Протоколы заграничных групп конституционно-демократической партии Май 1920 – июнь 1921. Т. 4. М: Прогресс-Академия, РОССПЭН. 1996. 544 с.
- Протоколы заграничных групп конституционно-демократической партии 1923–1933. Т. 6. Кн. 2. М.: РОССПЭН. 1999. 560 с.
- Тимашев Н.С. Центр и места в послереволюционной России [К проблеме федеративного устройства России] // Крестьянская Россия. Прага, 1923. В. V.
- Карташев А.В. Задачи, характер и программа Русского Национального Объединения. Париж, 1921. 32 с.
- Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. М.: РГГУ. 2000. 366 с.
- Семенов Ю.Ф. Окраинный вопрос // Общее дело. Париж. 1921, № 328. 9 июня.
- Модели общественного переустройства России. XX век / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М.: РОССПЭН. 2004. 608 с.

REFERENCES

- Miljukov P.N. Respublika ili monarhija? Izdanie respublikansko-demokraticeskogo ob'edinenija. 1929.
- Miljukov P.N. Tri platformy Respublikansko-demokraticeskogo ob'edinenija (1922–1924 gg.). GA RF. F. 579. Op. 5. D. 110b. Ll. 1-32.
- Protokoly zagranichnyh grupp konstitucionno-demokraticeskoy partii Maj 1920 – ijun' 1921. T. 4. M: Progress-Akademija, ROSSPJeN. 1996. 544 s.

- Protokoly zagranichnyh grupp konstitucionno-demokraticheskoj partii 1923–1933. T. 6. Kn. 2. M.: ROSSPJeN. 1999. 560 s.
- Timashev N.S. Centr i mesta v poslerevoljucionnoj Rossii [K probleme federativnogo ustrojstva Rossii] // Krest'janskaja Rossija. Praga, 1923. V. V.
- Kartashev A.V. Zadachi, harakter i programma Russkogo Nacional'nogo Ob'edinenija. Parizh, 1921. 32 s.
- Al'termatt U. Jetnacionalizm v Evrope. M.: RGGU. 2000. 366 s.
- Semenov Ju.F. Ukrainnyj vopros // Obshee delo. Parizh. 1921, № 328. 9 ijunja.
- Modeli obshhestvennogo pereustrojstva Rossii. HH vek / Otv. red. V.V. Shelohaev. M.: ROSSPJeN. 2004. 608 s.

Смагина Светлана Михайловна, кандидат исторических наук, профессор Института истории и международных отношений, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону; kafedra12@yandex.ru

The National Question and Its Solution in the Liberal Projects of the Russian Emigration (1920-1930s)

This article considers a little-known aspect of the Liberal Russian emigration history of the 1920-1930s, in particular, the émigrés' opinion about the solution to the national question in Russia. In social perspective, this has resulted in the recognition, the first in the Russian liberal thought, of the possibility to developing Post Bolshevik Russia into a Federal state and the necessity to the decrease the level of opposition not only in the post-Soviet space, but also in the emigration.

Keywords: liberal emigration, national question, Federative Republic, new tacticians

Svetlana Smagina, Professor of the Institute of History and International Relations, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia; kafedra12@yandex.ru